

УДК 342.56

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Часть 2. О ПРОБЛЕМАХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУДОВ (разд. 1)¹

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Аннотация. В части первой настоящей статьи («Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 г. — конституционная или дисциплинарная ответственность?») были рассмотрены современные проблемы механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок. Во второй части этой статьи рассматриваются современные проблемы организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности руководителей (председателей и заместителей председателей) судов. Обращается внимание, что статус руководителей судов двойной: с одной — главной — стороны, они — судьи, непосредственно осуществляющие правосудие, с другой — руководители судебного органа, наделенные полномочиями и обязанностями по организации работы суда (по обеспечению в пределах своих полномочий финансовых, материально-ресурсных, информационных и иных сторон), осуществлению общего руководства деятельностью аппарата суда, а главное, по обеспечению правосудной эффективной деятельности суда на принципах справедливости. Обращается внимание, что действующим законодательством (и даже отчасти Конституцией РФ) предусмотрена ответственность руководителей судов за грубый проступок, который не квалифицируется как дисциплинарный, да и взыскание за него одно — досрочное прекращение полномочий руководителя суда, а в отдельных случаях и полномочий судьи, без возможности применения иных, менее

¹ Часть 1 настоящей статьи см.: Государство и право. 2024. № 3. С. 39–59.

тяжких, мер наказания (взысканий). Предлагается официализировать некоторые новые, реально существующие функции руководителей судов с установлением механизма ответственности за их неисполнение. Предлагается ввести институт присяги руководителя суда (отдельный от присяги судьи) с введением ответственности за нарушение этой присяги, в частности за вмешательство в правосудную деятельность судей суда, возглавляемого этим руководителем. Вносятся и иные предложения.

Ключевые слова: руководители судов, дисциплинарная ответственность, адекватность наказания совершеному проступку, совершенствование механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов.

Цитирование: Клеандров М. И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы
Часть 2. О проблемах дисциплинарной ответственности руководителей судов (разд. 1) // Государство и право. 2024. № 4. С. 67–76.

DOI: 10.31857/S1026945224040044

ON MODERN PROBLEMS OF THE MECHANISM OF JUDGES' RESPONSIBILITY FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

Part 2. ON THE PROBLEMS OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF HEADS OF COURTS (section 1)²

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 05.03.2024

Abstract. In the first part of this article (“Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 — constitutional or disciplinary liability?”) the modern problems of the mechanism of judges’ responsibility for disciplinary misconduct were considered. This second part of this article examines the current problems of the organizational and legal mechanism of disciplinary responsibility of heads (chairmen and deputy chairmen) of courts. Attention is drawn to the fact that the status of heads of courts is twofold: on the one hand, they are judges who directly administer justice, on the other hand, heads of a judicial body with powers and responsibilities to organize the work of the court (to ensure, within their powers, financial, material, resource, information and other parties), the implementation of general management of the activities of the court’s staff, and most importantly, to ensure the judicial and effective operation of the court on the principles of justice. Attention is drawn to the fact that the current legislation (and even partly the Constitution of the Russian Federation) provides for the responsibility of heads of courts for gross misconduct, which does not qualify as disciplinary, and the penalty for it is one — early termination of the powers of the head of the court, and in some cases the powers of a judge, without the possibility of applying other, less severe, penalties (penalties). It is proposed to formalize some new, real-life functions of the heads of courts with the establishment of a mechanism for their non-fulfillment. It is proposed to introduce the institution of the oath of the head of the court (separate from the oath of the judge) with the introduction of liability for violation of this oath, in particular for interference in the judicial activities of judges of the court headed by this head. Other proposals are also being made.

Key words: heads of courts, disciplinary responsibility, adequacy of punishment for a committed offense, improvement of the mechanism of disciplinary responsibility of heads of courts.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of judges’ responsibility for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches

Part 2. On the problems of disciplinary responsibility of heads of courts (section 1) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 67–76.

² See part 1 of this article: Gosudarstvo i pravo=State and Law. 2024. No. 3, pp. 39–59.

Член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, д-р юрид. наук, проф. Л.В. Туманова резонно указывает: «Печально, когда судья совершает грубый дисциплинарный проступок, но не менее отрицательно влияет на авторитет судебной власти необоснованное привлечение к дисциплинарной ответственности или назначение несоразмерного наказания»³. И далее она вполне справедливо отмечает: «Дисциплинарная ответственность судей является уникальным видом ответственности по целому ряду признаков. Прежде всего это касается самого понятия дисциплинарного проступка, формулировка которого полностью состоит из оценочных категорий, сформулированного состава дисциплинарного проступка нет ни в одном законе»⁴.

Еще более сложна ситуация с содержанием организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов, у которых одновременно два функционала. Они и руководители судов (организаций с трудовыми коллективами, ядром которых являются судьи, коих в ряде судов — многие десятки, и все они обладают особым — судебским — статусом с соответствующими судебскими полномочиями, правами, обязанностями и ответственностью. Можно ли, в принципе, рассматривать дисциплинарную ответственность руководителей судов за совершение дисциплинарных проступков, выходящих за пределы, установленные Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁵ (более чем с 50 изм. и доп.) (далее — Закон о статусе судей) и Кодексом судейской этики? Точнее — можно ли в этих случаях руководствоваться ст. 22 Закона о статусе судей, в соответствии с которой «законодательство Российской Федерации о труде распространяется на судей в части, не урегулированной настоящим законом»?

Ответ на этот вопрос вряд ли может быть однозначным, ибо четко разграничить полномочия, обязанности и ответственность руководителя суда, урегулированные Законом о статусе судей суда от полномочий обязанностей и ответственностью руководителя суда, урегулированные законодательством о труде, вряд ли возможно в принципе — в обоих случаях эти нормы в немалой мере — оценочные.

Но вот пример из судебной практики Конституционного Суда РФ, где такая дилемма рассмотрена,

³ Туманова Л.В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации // Вестник ВККС РФ. 2022. № 6 (86). С. 10

⁴ Там же.

⁵ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

но, правда, не в отношении руководителя суда, а — мирового судьи.

ККС одного из субъектов Российской Федерации своим решением от 17 июня 2009 г. досрочно прекратила полномочия мирового судьи К. за совершение дисциплинарного проступка, выразившегося в систематическом грубом нарушении норм процессуального закона (передача секретарю судебного заседания своих полномочий по рассмотрению гражданских, уголовных и административных дел). Не согласившись с этим решением, К. обратилась в Верховный Суд РФ с заявлением о его отмене, указав, в числе прочего, что на момент применения к ней дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи она имела малолетнего сына (двухлетнего), была беременна (24 недели), и, по ее мнению, в отношении нее были нарушены требования ст. 261 ТК РФ.

Верховный Суд РФ своим Решением от 3 сентября 2009 г. оставил заявление К. без удовлетворения, и данное решение Определением Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 10 ноября 2009 г. было оставлено без изменения. После чего К. обратилась с жалобой на нарушение названными судебными постановлениями ее конституционных прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, обращения которого в Верховный Суд РФ также оставлены без удовлетворения.

В своей жалобе в Конституционный Суд РФ Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации указывает, что основанием для его обращения послужила имеющая место, на его взгляд, правовая неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли ст. 38 (ч. 1) Конституции РФ находящиеся в нормативном единстве положения п. 1 ст. 12¹ и ст. 22 Закона РФ О статусе судей, допускающие наложение на судью дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий без учета запрета на расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременными женщинами, установленного частью первой ст. 261 ТК РФ.

К., в интересах которой подана жалоба Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, также обратилась в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 12¹ и ст. 22 Закона О статусе судей. По мнению заявителяницы, названные нормы не соответствуют ст. 7, 18, 19, 38, 45, 55 (ч. 3) Конституции РФ, поскольку позволяют ККС при принятии решения о наложении на судью такого дисциплинарного взыскания, как досрочное прекращение полномочий судьи, не учитывать требования статьи 261 ТК РФ, закрепляющей гарантии

для беременных женщин и женщин, имеющих детей, при расторжении трудового договора.

В обоснование своей жалобы в Конституционный Суд РФ К. указывала, что назначение на должность судьи является основанием для возникновения трудовых отношений в силу ст. 19 ТК РФ; соответственно, прекращение полномочий судьи влечет прекращение трудовых отношений, поэтому в отношении беременных женщин-судей, а также женщин-судей, имеющих детей в возрасте до трех лет, в силу требований ст. 22 Закона о статусе судей должны действовать гарантии, установленные ст. 261 ТК РФ.

Своим Определением от 7 июня 2011 г. № 844-О-О Конституционный Суд РФ, объединив оба обращения в одно производство, отказал в принятии к рассмотрению этих обращений как не отвечающих требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд РФ признается допустимой.

Тем не менее данным Определением Конституционный Суд РФ сформулировал важную правовую позицию о соотношении рассмотренных норм Закона о статусе судей и Трудового кодекса РФ. Было сказано следующее.

Федеральный законодатель, закрепив в ст. 22 Закона о статусе судей правило о том, что законодательство Российской Федерации о труде распространяется на судей в части, не урегулированной данным законом, исходил из особого конституционно-правового статуса судей, предопределенного тем, что они осуществляют публично-правовые задачи судебной власти, и к ним, соответственно, предъявляются особые требования и для них устанавливаются специальные правила назначения на должность и прекращения полномочий. Такое правовое регулирование учитывает, с одной стороны, особенности статуса судей, а с другой стороны, позволяет судьям воспользоваться в пределах, установленных законом, правами и гарантиями, предусмотренными для лиц, реализующих свое право на труд в иной форме (работа по трудовому договору). Вместе с тем это не означает, что все гарантии, предоставляемые работникам, должны распространяться на судей. В противном случае ставился бы под сомнение особый правовой статус судьи как лица, осуществляющего публично-правовые задачи судебной власти. Таким образом, как по своему буквальному смыслу, так и системе действующего правового регулирования норма ст. 22 Закона о статусе судей не предполагает применения гарантий, предусмотренных для лиц, работающих по трудовому договору, без учета конституционно-правового статуса судьи и необходимости обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту путем

своевременного и правильного рассмотрения дел независимым и беспристрастным судом.

Из этого вытекает: Трудовой кодекс РФ в части, регулирующей правомочия руководителей организаций по отношению к подчиненным работникам, на руководителей судов и судей не распространяются.

Отдельного федерального закона о руководителях судов в нашей стране нет, о них сказано в ст. 6¹ «Порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов» и в ст. 6² «Полномочия председателей и заместителей председателей судов» Закона о статусе судей (обе статьи введены в названный Закон Федеральным законом от 15.12.2001 № 169-ФЗ) и в ряде иных статей этого Закона. Разумеется, регулируются эти отношения и в некоторых иных законодательных актах, в том числе в Федеральных конституционных законах: от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁶ и от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁷, но в Федеральном конституционном законе о судебной системе — в общей форме, а о Конституционном Суде РФ в данной работе речь вообще не идет.

Вместе с тем следует учитывать, что статусные характеристики руководителей судов включают в себя и этический сегмент. Он провозглашен в Кодексе судейской этики, утвержденном VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. (с изм. и доп., внесенными IX и X Всероссийскими съездами судей, не затрагивающими первоначальную редакцию, относящуюся к руководителям судов).

В ст. 12 данного Кодекса провозглашена базовая установка, согласно которой профессиональная деятельность судьи включает в себя не только исполнение обязанностей по судебному разбирательству дела и принятию решения, но и выполнению других задач и полномочий, в том числе организационно-распорядительного характера, имеющих отношение к деятельности суда, и при этом осуществление судебных функций имеет приоритетный характер по отношению к другим видам деятельности. Таким образом, Кодекс судейской этики однозначно указывает: руководитель суда прежде всего судья, а уж потом руководитель суда. Вместе с тем в этом Кодексе провозглашено: руководитель суда в своей профессиональной деятельности должен не только исполнять обязанности по отправлению правосудия, но и добросовестно выполнять возложенные на него административные полномочия, поддерживать высокий уровень профессиональной квалификации в сфере судебного

⁶ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

⁷ См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

администрирования и способствовать повышению эффективности исполнения служебных обязанностей другими судьями и работниками аппарата суда.

При этом он при осуществлении организационно-распорядительных полномочий не вправе допускать действия (бездействия), ограничивающие независимость судей, оказывать давление на них, а также использовать иные методы административного воздействия, имеющие целью повлиять на деятельность судей по отправлению правосудия.

В этом Кодексе подчеркивается, что поскольку отправление правосудия невозможно без четкой организации работы аппарата суда, ненадлежащая организация работы суда и его аппарата подрывает доверие к суду, умаляет авторитет судебной власти. Руководитель суда обязан предпринимать все необходимые меры для обеспечения своевременного и эффективного исполнения судьями своих обязанностей, в том числе меры организационного, финансового, материального, социально-бытового характера. В частности, председатель суда должен обеспечивать равномерное распределение служебной нагрузки среди судей и работников аппарата суда; должен добросовестно использовать свое право решать кадровые вопросы, избегая необоснованных назначений, покровительства, семейственности. При осуществлении организационно-распорядительных полномочий он должен быть корректным, сдержанным по отношению к судьям и к иным лицам, находящимся в его подчинении, терпимо относиться к критике своих действий, не допускать прямого или косвенного преследования за критическое отношение к себе. Недопустимы как противоправное покровительство по службе (незаслуженное поощрение, внеочередное необоснованное повышение в должности, совершение других действий, не вызываемых служебной необходимостью), так и попустительство по службе (непринятие мер за упущения или нарушения, допущенные в служебной деятельности, нереагирование на неправомерные действия).

Вопросы дисциплинарной (или конституционной?) ответственности судей были автором этих строк рассмотрены в части 1 настоящей статьи, регулируются они сейчас в основном ст. 12¹ «Дисциплинарная ответственность судей» (в ред. от 02.07.2013 № 179-ФЗ). В этой статье руководители судов не названы.

Они названы: а) в п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей (в изначальной редакции, где, в частности, провозглашено, что полномочия руководителей судов могут быть досрочно прекращены решением соответствующей ККС «в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением председателями, заместителями председателей судов своих должностных обязанностей, предусмотренных

федеральными конституционными законами и настоящим Законом», при этом отмечено, что по прекращению этих полномочий «за ними сохраняются полномочия судьи суда, в котором они замещали должность председателя, заместителя председателя суда»;

б) в п. 11¹ этой статьи Закона (в ред. Федерального закона от 08.12.2020 № 426-ФЗ), в которой указано: полномочия Председателя Конституционного Суда РФ и заместителя Председателя Конституционного Суда РФ, Председателя Верховного Суда РФ и заместителей Председателя Верховного Суда РФ, председателей и заместителей председателей кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам могут быть также прекращены Советом Федерации по представлению Президента РФ в случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим Законом. При этом прекращаются полномочия указанных лиц в качестве судей соответствующих судов;

в) в ст. 14¹ Закона о статусе судей «Прекращение полномочий отдельных категорий судей Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (введенной Федеральным законом от 08.12.2020 № 426-ФЗ) перечислены случаи (и не все), когда полномочия прекращаются: 1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судей; 2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; 3) прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства (подданства) иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства; 4) нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами; 5) занятие деятельностью, несовместимой с должностью судьи; 6) в иных случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами. Пункты «б» и «в» появились в результате конституционных нововведений 2020 года. Насколько они работают? Похоже, не работают.

Вот совсем свежий пример совершения дисциплинарного проступка, повлекшего дисциплинарную ответственность председателя суда в виде

досрочного прекращения его полномочий. Здесь — определяюще важно в плане рассматриваемой в настоящей статье проблемы — что: 1) речь идет о грубом дисциплинарном проступке именно в сфере полномочий именно председателя суда, а не судейских; 2) речь идет о проступке, совершенном председателем одного из апелляционных судов, т.е. подпадающих под юрисдикцию Совета Федерации (как это предусмотрено конституционными нововведениями 2020 года); 3) в значительной своей части данный проступок этого председателя суда находится в сфере этической ответственности.

Итак: 4 апреля 2023 г. ВККС РФ, рассмотрев обращение Президиума Совета судей РФ от 9 февраля 2023 г., приняла Решение о признании в действиях председателя арбитражного апелляционного суда *В.* дисциплинарного проступка, за совершение которого возложила дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи с лишением первого квалификационного класса. Данное Решение ВККС РФ было *В.* обжаловано в Дисциплинарную коллегию Верховного суда РФ, а затем — в Апелляционную коллегию Верховного Суда РФ, которые соответственно Решением от 25 мая 2023 г. № ДК23-43 и Апелляционным Определением от 8 августа 2023 г. № АПЛ23-7Д в удовлетворении жалоб отказали.

В чем состоял дисциплинарный проступок председателя суда *В.*? В покровительстве (иначе сложно это назвать) судье этого суда *Х.*, который в соответствии с приказами *В.* находился с 18 мая 2020 г. по 29 июля 2022 г. в отпусках без сохранения содержания 240 дней (и за это же время в ежегодном оплачиваемом отпуске — 138 дней).

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что судья *Х.* длительное время был освобожден председателем суда *В.* от участия в рассмотрении дел в качестве судьи-докладчика (председательствующего). Согласно отчетам о работе судьи *Х.* в четвертом судебном составе по рассмотрению споров, возникающих из административных правоотношений, в 2020—2022 гг. (до исключения *В.* из штата арбитражного апелляционного суда) он в качестве судьи-докладчика (председательствующего) дела не рассматривал. В коллегиальном составе в 2020 г. участвовал в рассмотрении 482 дел, в 2021 г. — 1422 дел, в 2022 г. — в качестве судьи-докладчика (председательствующего) им рассмотрено 144 дела (после исключения *В.* из штата суда). При этом средняя нагрузка на судью данного арбитражного апелляционного суда в качестве судьи-докладчика (председательствующего) составила: в 2020 г. — 789,7 дела, в 2021 г. — 891,7 дела, в 2022 г. — 886 дел. Следовательно, служебная нагрузка на судью *Х.* на протяжении длительного периода времени не являлась значительной. В результате этого существенно выросла нагрузка на других

судей суда, вызвав с их стороны негативную реакцию, о чем свидетельствуют их объяснения, данные Дисциплинарной комиссии Совета судей РФ.

Распределение дел в данном арбитражном апелляционном суде осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы «Судопроизводство». Данной системой предусмотрена возможность закрытия отдела судьи, при котором дела не распределяются конкретному судье на определенный промежуток времени, в связи с уходом судьи в ежегодный оплачиваемый отпуск или по иным причинам. Решение о прекращении распределения дел судье в АИС «Судопроизводство» принимается на основании приказа о предоставлении отпуска, иного устного или письменного распоряжения председателя суда или его заместителя. По утверждению судей указанного арбитражного апелляционного суда, дававших пояснения по этому вопросу Дисциплинарной комиссии Совета судей РФ, такие решения в отношении *Х.* принимались на протяжении нескольких лет руководством суда, в то время как остальным судьям дела распределялись на общих основаниях по установленным в суде правилам.

Таким образом, *В.*, являясь председателем арбитражного апелляционного суда, не обеспечила справедливое и равномерное распределение служебной нагрузки между судьями, допустила ситуацию, при которой судья *Х.* на протяжении длительного периода (в течение 2020—2021 г., частично в 2022 г.) фактически не исполнял свои основные обязанности по рассмотрению дел в качестве судьи-докладчика (председательствующего), что привело к росту нагрузки на остальных судей и негативной реакции со стороны коллектива суда.

Доводы жалоб о том, что снижение судебной нагрузки судьи *Х.* в качестве председательствующего связано с его тяжелым заболеванием и необходимостью прохождения курса лечения, а отсутствие каких-либо распорядительных документов, обосновывающих такое решение, обусловлено требованием соблюдения врачебной тайны, опровергается материалами дисциплинарного производства, в которых не имеется документов, подтверждающих данные сведения. Из материалов дела также усматривается, что при обращении в марте 2022 г. в ВККС РФ с заявлением о рекомендации для назначения на вышестоящую руководящую должность судья *Х.* сообщил об отсутствии у него заболеваний, препятствующих осуществлению им судебной деятельности.

А утверждение *В.* о том, что ее действия, связанные с предоставлением *Х.* длительных отпусков без сохранения заработной платы и со снижением его судебной нагрузки, объясняются проявлением милосердия, является несостоятельным. Проявление

милосердия председателем суда, обладающим организационно-властными полномочиями по отношению к судьям вверенного ему дела, должно быть обоснованным и разумным, не должно нарушать нормы действующего законодательства, способствовать неисполнению судьями своих служебных обязанностей и являться инструментом для манипулирования, тем самым ставя под сомнение авторитет председателя суда и уважение коллектива. Выявлено также, что 22 марта 2022 г. *В.* были подписаны учетно-характеризующие и статистические материалы в отношении судьи *Х.*, содержащие недостоверные сведения в части, касающейся его стажа и результатов работы. Впоследствии эти материалы были представлены им в ВККС РФ для участия в конкурсе на замещение вакантной должности председателя данного арбитражного апелляционного суда.

Может быть, эти пункты не работают потому, что речь идет о совершении грубых проступков руководителями суда, но эти проступки не квалифицируются как дисциплинарные?

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» жестко и однозначно провозгласил (в п. 10): досрочное прекращение полномочий руководителя суда решением соответствующей ККС по основаниям, указанным в п. 11 ст. 6.1 Закона о статусе судей, не является дисциплинарным проступком и не влечет дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи. А в названном п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей установлено: полномочия руководителей суда могут быть досрочно прекращены решением соответствующей ККС в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими своих должностных обязанностей, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим законом.

То есть Закон о статусе судей в связи с названным постановлением Пленума Верховного Суда РФ неисполнение или ненадлежащее исполнение руководителями суда своих обязанностей расценивают как не дисциплинарный поступок, а прекращение их полномочий за это — не как дисциплинарное взыскание. Но — почему?

Однако это — действует. Так, ККС одного из субъектов Российской Федерации своим решением от 24 января 2020 г. прекратила полномочия председателя районного суда *Б.* с оставлением того в должности судьи этого суда. Основанием рассмотрения данного дела в ККС послужило обращение Совета судей этого субъекта Федерации и представление и.о. председателя Верховного суда данного субъекта Российской Федерации о привлечении

названного председателя суда к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка, поскольку тот самоустранился от исполнения должностных обязанностей в части обеспечения организации работы суда. В частности, *Б.* не обеспечил своего заместителя рабочим кабинетом, не создал надлежащих условий соблюдения секретности в суде, допустил распространение служебной информации, отстранился от выполнения административных вопросов, в результате в коллективе возникла конфликтная ситуация, негативно отражающаяся на эффективности и качестве отправления правосудия в суде.

ККС субъекта Российской Федерации пришла к выводу о подтверждении фактов в обращении и представлении и пришла к выводу, что в действиях *Б.* установлено нарушение норм Кодекса судейской этики и Закона о статусе судей; налицует проступок, порочащий честь судьи, что влечет дисциплинарную ответственность. Принимая это решение, региональная ККС учитывала данные, характеризующие личность и профессиональную деятельность *Б.*, обстоятельства дисциплинарного проступка, степень тяжести нарушения закона, ущерб, причиненный авторитету судебной власти и званию судьи, а также отношение к выявленным нарушениям самого *Б.*, не желающего, как указано в Решении, устранить возникший в коллективе конфликт, его самоустранение от исполнения прямых обязанностей. Это решение ККС приняла, руководствуясь п. 11 ст. 6¹ и п. 6 ст. 12¹ Закона о статусе судей. *Б.*, уже в качестве судьи, обратился в ВККС РФ с жалобой на данное решение региональной ККС, указав, что им надлежащим образом исполнялись обязанности председателя суда. То есть ККС этого субъекта Федерации расценила действия председателя суда *Б.* в качестве дисциплинарного проступка.

20 марта 2020 г. ВККС РФ своим Решением⁸ отменила названное Решение региональной ККС, указав, что в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. (п. 10) указано, что досрочное прекращение полномочий председателя суда, заместителя председателя суда решением соответствующей ККС по основаниям, указанным в п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей, не является дисциплинарным проступком и не влечет дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи. Таким образом, как подчеркнуто в указанном Решении ВККС РФ, ККС субъекта Российской Федерации применила меру дисциплинарного взыскания (досрочное прекращение полномочий председателя суда), не предусмотренную законом.

⁸ См.: Вестник ВККС РФ. 2021. № 1 (75). С. 40–41.

Вместе с тем в том же номере Вестника ВККС РФ (на с. 43–44) опубликовано Решение ВККС РФ от 14 июля 2020 г. с иным, противоположным по форме, но не по существу подходом к данному вопросу. Здесь суть дела такова. ККС одного из субъектов Российской Федерации своим Решением от 30 апреля 2020 г. прекратила полномочия председателя суда *М.* с оставлением того в должности судьи. Основанием рассмотрения материалов дела в ККС послужило Постановление Совета судей данного субъекта Российской Федерации.

ККС этого субъекта Федерации установила, что открытый и затяжной конфликт, разделивший коллектив суда, действия председателя суда *М.*, посягающие на независимость и беспристрастность судей в принятии судебных решений, его некорректные высказывания в адрес судей и иных лиц, нетерпимость к критике своих действий препятствуют осуществлению им руководства судом, приводят к созданию нерабочей психологической обстановки, умаляют авторитет судебной власти, что при сохранении существующей ситуации, вызванной действиями председателя суда, может повлечь негативные последствия при отправлении правосудия.

Эти обязательства послужили основанием поставить под сомнение возможность дальнейшего добросовестного и профессионального выполнения *М.* служебных обязанностей в должности председателя суда. ККС при принятии решения о досрочном прекращении полномочий председателя суда *М.* с оставлением его в должности судьи учла его профессиональные качества, стаж работы, наличие частного постановления (так в тексте), конкретные обстоятельства, в том числе непринятие мер по выходу из сложившейся ситуации. ККС приняла во внимание, что конфликт в суде обусловлен в основном действиями *М.*, стилем его руководства, методами его общения с сотрудниками суда, и, оценив в совокупности материалы, обоснованно признала необходимым прекратить его полномочия представителя суда с оставлением в должности судьи. А ВККС РФ, как сказано выше, руководствуясь п/п. 10¹ п. 2 ст. 17, абз. 2 п. 1 ст. 23 «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» решение ККС от 30 апреля 2020 г. о прекращении полномочий председателя суда *М.* с оставлением в должности судьи оставила без изменения, а жалобу *М.* — без удовлетворения.

Разница между этими двумя решениями ВККС РФ относительно проступков двух председателей судов (предрешения которых по сути однотипны) состоит в том, что в первом случае региональная ККС квалифицировала действия (и бездействие) председателя суда *Б.* как дисциплинарный проступок, влекущий досрочное прекращения полномочий председателя суда в соответствии с п. 11 ст. 6¹

Закона о статусе судей в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением им своих должностных обязанностей. А во втором случае, относительно председателя суда *М.*, в решении региональной ККС не содержалось квалификации его действий (бездействия) в качестве дисциплинарного проступка, и, соответственно, досрочное прекращение его полномочий как председателя суда не квалифицировалось в качестве дисциплинарного взыскания по абз. 2 п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей.

Сказанное — относительно сходных по существу правонарушающих действий (бездействия) председателей суда *Б.* и *М.* вкуче с нарушениями ими норм судебной этики, повлекших принципиально различающие последствия в виде их ответственности, однозначно свидетельствуют о серьезном несовершенстве организационно-правового механизма ответственности руководителей судов за совершение ими тяжких дисциплинарных поступков, влекущих их досрочное прекращение полномочий руководителей суда.

Вот иные примеры в сфере квалификации дисциплинарного или недисциплинарного проступка в судейском корпусе. Региональная ККС Решением от 22 декабря 2021 г. прекратила досрочно полномочия судьи *Ф.* по п/п. 6¹ п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей по причине наличия у ней по нескольку десятков акций ряда зарубежных (США) акционерных обществ, чем нарушила запрет владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Судья *Ф.* обжаловала данное Решение ККС в Верховный Суд РФ, но Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ своим Решением от 10 марта 2022 г. № АКПИ22-67 в удовлетворении административного искового заявления *Ф.* об отмене названного Решения ККС отказала. Примечателен (и весьма значим в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы) довод Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ, которым был отклонен этот административный иск судьи *Ф.* В этом решении Дисциплинарной коллегии указано: ссылка административного истца на ст. 12¹ Закона о статусе судей о дисциплинарной ответственности судей является ошибочной, поскольку основанием прекращения ее полномочий судьи в данном случае является не факт дисциплинарного проступка, указанного в п. 5 этой статьи, за совершение которого на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи, а выявленный факт несоблюдения судьей и ее супругом запретов и ограничений, а именно владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Данное обстоятельство является санкцией за совершение коррупционного правонарушения и самостоятельным основанием

для прекращения полномочий судьи на основании п.п. 6 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей⁹.

Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 31 мая 2007 г. № 27 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений квалификационных коллегий судей о привлечении судей судов общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности» (ныне — не действующим) указывал: «Отправление правосудия невозможно без четкой организации работы аппаратов судов. Неправильная организация руководителями суда работы суда и его аппарата умаляет авторитет судебной власти. Учитывая это, руководители верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, районных судов, военных судов, мировые судьи должны следить за движением дел в судах, за выдачей гражданам предусмотренных законом справок и копий судебных документов, за своевременным рассмотрением и правильным, в соответствии с законом, разрешением жалоб и заявлений, с тем, чтобы граждане, обращающиеся в суд, затрачивали минимум времени на разрешение возникших у них вопросов. В работе судов не должно быть случаев волокиты, грубости и невнимательного отношения к гражданам. Председатели судов и их заместители обязаны обеспечивать равномерное распределение служебной нагрузки среди судей и работников аппарата суда».

Постановлением от 20 мая 2010 г. № 11 Пленум это положение дополнил: «Вместе с тем следует учитывать, что по прекращении полномочий председателя, заместителя председателя суда, в том числе в случае досрочного их прекращения решением соответствующей квалификационной коллегии судей в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением указанными лицами своих должностных обязанностей, за ними сохраняются полномочия судьи суда, в котором они замещали должность председателя, заместителя председателя суда (абзацы второй и третий пункта 11 статьи 6¹ Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации”»).

А в действующем в настоящее время постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» прописано: досрочное прекращение полномочий председателя суда, заместителя председателя суда решением соответствующей ККС по основаниям, указанным в п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей, не является дисциплинарным проступком и не влечет

дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3 сформулирована (в п. 4) следующая правовая позиция. В силу п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей допускается возможность досрочного прекращения полномочий председателя суда решением соответствующей ККС в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением председателем суда своих должностных обязанностей, предусмотренных федеральными конституционными законами и данным Законом. Однако неисполнение или ненадлежащее исполнение председателем суда своих должностных обязанностей, будучи основанием для досрочного прекращения полномочий председателя суда, само по себе не является основанием для досрочного прекращения его полномочий судьи. Как следует из другого положения п. 11 ст. 6 Закона о статусе судей, по прекращении полномочий председателя суда за ним сохраняются полномочия судьи суда, в котором он замещал должность председателя. Соответственно, досрочное прекращение полномочий председателя суда не может рассматриваться в качестве дисциплинарного взыскания и влечь для него правовые последствия, наступающие при прекращении полномочий судьи в связи с совершением им дисциплинарного проступка по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 12¹. Таким образом, положение п. 11 ст. 6 Закона о статусе судей о возможности досрочного прекращения полномочий председателя суда в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением им своих должностных обязанностей по своему смыслу в системе действующих норм не может служить самостоятельным основанием для досрочного прекращения его полномочий судьи и как таковое не противоречит Конституции РФ.

А далее Конституционный Суд РФ высказался по процедурному вопросу (точнее — по его изменению) относительно ответственности руководителей суда: «Исходя из особой роли председателей судов в процедуре привлечения судей к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий и с учетом их участия в формировании ККС и наличия у них организационно-распорядительных полномочий в отношении других судей, т.е. значительно больших возможностей для воздействия на поведение членов ККС, чем у привлекаемого к ответственности судьи, — в качестве дополнительной гарантии независимости, несменяемости и неприкосновенности судьи в процедурах досрочного прекращения полномочий судьи органом судейского сообщества на основе принципов состязательности и равноправия по сравнению с действующими правилами дисциплинарного производства явилось бы

⁹ См.: Вестник ВКС РФ. 2022. № 4 (84). С. 42–45.

законодательно закрепленное требование о проведении тайного голосования членов ККС и составлении по существу рассматриваемого вопроса мотивированного решения, с тем чтобы в случае обжалования этого решения была обеспечена возможность надлежащего судебного контроля». Соответствующие изменения были позже введены в процедурные нормы механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клеандров М.И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 1. Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 года — конституционная или дисциплинарная ответственность? // Государство и право. 2024. № 3.

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

2. Туманова Л.В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации // Вестник ВККС РФ. 2022. № 6 (86). С. 10.

REFERENCES

1. *Kleandrov M. I.* On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches. Part 1. Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 — constitutional or disciplinary responsibility? // *State and Law*. 2024. No. 3 (in Russ.).
2. *Tumanova L. V.* Ensuring the authority of the judiciary and protecting the rights and legitimate interests of judges as a two-pronged task by the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation // *Bulletin of the Supreme Judicial Council of the Russian Federation*. 2022. No. 6 (86). P. 10 (in Russ.).

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia